

Розин В. М.

ПРОЕКТ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО НА ПОЛИТИКЕ, БРУНО ЛАТУРА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕГО КНИГИ «ПЕРЕСБОРКА СОЦИАЛЬНОГО: ВВЕДЕНИЕ В АКТОРНО-СЕТЕВУЮ ТЕОРИЮ»)

***Аннотация.** В статье обсуждается книга Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию». Разбирается подход Латура (в данной работе он выступает как методолог от социологии), а также основоположения и вмененности, из которых он исходит (критика естественнонаучного и социально инженерного подхода, запрет на редукцию социальных явлений к предельным онтологиям общества и природы, установка на построение эмпирической социологии). Анализируются основные понятия, которые Латур вводит, — посредников и сети. По генезису эти понятия, утверждает автор статьи, обусловлены как раз разобранными основоположениями и вмененостями. На основе понятий посредник и сеть Латур вводит и ряд других понятий («перевода», «взаимодействия», «актора», «действия», «группы»), а также строит полноценную онтологию. Эта онтология анализируется. Разбираются сильные и слабые стороны концепции Латура, а также условия, необходимые для реформы социологии как науки. В статье используются методы сравнительного анализа, методологической проблематизации и реконструкции. Помимо методологического подхода реализуются основные принципы гуманитарного исследования. Чтение и уяснение идей и представлений Латура ставит много проблем, и автор статьи попытался некоторые из них сформулировать и обсудить. С его точки зрения, проблемы не показатель слабости мышления, а наоборот его силы, особенно в плане дальнейшего развития. Важно, не пропустить ценные идеи и схемы, намеченные Латуром, например, схему отношения посредников с социальностью, критику основоположений традиционной социологии, разработку исходных идей релятивистской социологии.*

Ключевые слова: социальность, реальность, дискурс, схемы, понятия, онтология, методология, концепция, сборка, реформа.

Review. In his article Rozin discusses Bruno Latour's book «Reassembling the Social - An Introduction to Actor-Network Theory». Rozin analyzes Latour's approach (in this paper he acts as a sociology methodologist) as well as the basic principles and provisions Latour relies on (critics of the natural scientific and social engineering approaches, prohibition on the reduction of social phenomena to ultimate ontologies of society and nature, orientation at the development of empirical sociology). Rozin analyzes the basic terms that Latour introduces, intermediaries and networks. According to Rozin, the genesis of these concepts is due to the fundamental principle of studied provisions. Based on the concepts of intermediary and network Latour introduces a number of other terms («translation», «interaction», «actor», «action», «group») as well as develops a comprehensive ontology. This ontology is analyzed, too. Rozin discusses the strengths and weaknesses of Latour's theory and the conditions necessary for the reform of sociology as a science. In his research Rozin uses the methods of comparative analysis, methodological problematization and reconstruction. In addition to the methodological approach Rozin also implements the basic principles of humanitarian research. Reading and interpretation of Latour's ideas and concepts raise a lot of questions and Rozin tries to formulate and discuss some of them. From his point of view, the problem is not an indication of a weak thought but rather a strong point particularly in terms of further development. It is important not to miss valuable ideas and schemes outlined by Latour, for example, the scheme for relations between intermediaries and sociality, criticisms of the fundamental principles of traditional sociology and development of original ideas of relativistic sociology.

Keywords: methodology, ontology, terms, schemes, discourse, reality, sociality, concept, construction, reform.

В прошлом году вышла очередная книга известного французского социолога Бруно Латура, которая сразу обратила на себя внимание. Мой друг Анатолий Кричевец даже сделал на нашем методологическом семинаре (его много лет на психологическом факультете МГУ ведет другой мой друг Андрей Пузырей) доклад по этой книге. Слушая его, я заинтересовался и попросил книгу. Стал читать и почти ничего не понял. Точнее я понял, что Латур попытался суммировать и объяснить подход и основные идеи акторно-сетевой теории, адресуя свое послание социологам работающим в данной области, и понимая, что для других, незнакомых с данной практикой, книга будет мало понятной. «Для всех прочих, — замечает Латур, — боюсь, она останется совершенно непонятной, ибо социальные связи, которые нужно проследить, никогда не будут похожи на те, проследить которые их научили» [1, с.32].

Ну да, решил я, Латур, вероятно, имеет в виду как раз меня, к тому же я не социолог, а методолог. Хотел было отложить книгу в сторону, поскольку она не мне была предназначена, но тут вспомнил, что, читая введение, обратил внимание, что во всяком случае в данной книге автор позиционирует себя

вовсе не как социолог, а как раз как методолог. «Эта книга, — пишет Латур, — чем-то похожа на путеводитель по местности, одновременно и совершенно банальной — это всего лишь социальный мир, к которому мы привыкли, — и абсолютно экзотической: нам надо научиться останавливаться на каждом шагу. Если порядочные ученые не находят достойным сравнения введения в науку с путеводителем, пусть будут любезны вспомнить, что «куда пойти» и «какие достопримечательности тут надо посмотреть» — это всего лишь способ высказать на простом языке то, что обычно называют помпезным греческим словом «метод» или, еще хуже, «методология» [1, с.32]. Значит все же для меня, подумав я, и стал снова читать и не спеша обдумывать книгу Латура, и где-то на третьем проходе туман постепенно стал рассеиваться. Расскажу, что я понял.

Научный жанр книги, действительно, методологический, это видно по многим местам, к тому же сам Латур объясняет, каким образом его вынесло в «методологию». Оказывается, путь лежал через построение «социологии науки». Очевидно, эти исследования, которые, как отмечает Латур, не очень получались, заставили социологов науки выйти в рефлексив-

ную позицию и начать осмыслять и изучать уже не социальную реальность, а *социологическое мышление* со всеми его проблемами. Как всегда Латур пишет очень образно, но достаточно точно. «Главное не в том, что социология науки обречена на провал, а в том, что необходимо переделать социальную теорию. <...> Может ли это привести к науке социального после стольких попыток вывести социологию «на твердую тропу науки», как говорил Кант? Это мы еще посмотрим. Пока ясно то... что сейчас никакая социальная наука невозможна без решительной социологии науки в своем ядре, способной убить до сих пор выкармливаемую ею змею социального объяснения (а я бы добавил, способной убить змею «традиционного социологического мышления» и выкормить новую. — В.Р.)» [1, с.136, 143].

Еще один показатель методологического жанра книги — многочисленные метафоры пути (путешествия) и действия («сборка», «пересборка», «переделать», «вывести», «перевозвооружить» — «Разве так уж абсурдно желать перевооружения наших дисциплин, которое возвратило бы им чувствительность к создаваемому ими шуму и помогло бы найти для них место» [1, с.360] и другие). Дело в том, что еще со времен Ф. Бэкона метафоры пути и действия использовались для обсуждения и перестройки мышления (сравни: «Здание этого нашего Мира, — пишет Бэкон, — и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобия вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы <...> Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств <...> но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума <...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа» [2, с.76, 293]).

На первый взгляд, кажется, что Латур предлагает реформу социологии, мыслимую в рамках «социальной инженерии», что он за-

дает новую социальную реальность, мало чем, по сути, отличающуюся от традиционной, что его рассуждения во многом противоречивы. Действительно, что значит «пересборка социального» или «пересборка коллектива» (Социологию, пишет Латур, «лучше всего определить как дисциплину, участники которой открыто вовлечены в пересборку коллектива» [1, с.340])? Разве это не социально-инженерное действие, и разве социолог не социальный инженер? Когда Латур пишет, что он хочет «переопределить понятие социального, вернувшись к назад к его первоначальному значению, и сделать его вновь способным проследить связи» [1, с.11], то это можно понять, как простое желание обновить старую социологическую онтологию, например, поновому описать общество, группы, социальные институты (тем более, что он это, действительно, делает). А как если не противоречие можно понять его многочисленные заявления о том, что надо расстаться с обществом как предельной онтологией социологии (вообще с предельными онтологическими реалиями), и дальнейшие утверждения о необходимости предельных реалий (онтологии), а также, отчасти, и признание необходимости понятия «общество». Сравни.

«Однако для АСТ (акторно-сетевой теории. — В.Р.) ситуация совершенно другая, потому что ни общества, ни социального с самого начала не существует <...> Но как только вы меняете модус существования публичного, превращая его в общество, чтобы сохранить за собой огромную, противоречивую и трудную задачу объединения его политическими средствами, его *проблематическая хрупкость* исчезает. Политическое тело превращается в общество, которое как предполагается, держится собственной силой (т.е. является предельной онтологией. — В.Р.) даже в отсутствие какой бы то ни было политической активности <...> Пока мы ищем за коллективом тень общества, а за обществом — тень Левиафана, никакая наука о социальном не может продвигаться вперед. Говоря более резко, или общество — или социология» [1, с.54, 228, 229].

«До сих пор я делал чрезмерный упор на непрерывность, которую обеспечивают проследимые связи, а их всегда надо рас-

сма­тривать по контрасту с гораздо более обширным фоном, где связи прерываются. Или если выразить эту мысль иначе, должна возникнуть такая социология, противоположные интуиции которой следовало бы поддерживать: и жесткая и мягкая одновременно <...> Общества нет, или, вернее общество — имя не всей территории» [1, с.138, 139]. Так есть общество или его нет вообще? Есть «жесткая социальность», которую обычно понимают как предельную онтологию, или, как утверждает З. Бауман, существует только «мягкая»?

Можно увидеть еще и такие противоречия. С одной стороны, Латур постоянно подчеркивает, что социологи должны проследить и описывать реальные социальные связи, с другой — что социальные существуют в форме несоциального (социологи, пишет Латур, «считают, что социальное целиком состоит из социальных отношений, тогда как ассоциации состоят из таких связей, которые сами по себе несоциальны» [1, с.20]). Отсюда, кстати, рефрен: выявить социальное очень трудно, поскольку оно не дано, социальное проскальзывает между несоциальным. «Нет ничего труднее, — замечает Латур, — чем уловить социальные связи. Их можно проследить только когда они изменяются». «Социальное не находится ни в каком конкретном месте как вещь среди других вещей, — но оно может циркулировать повсюду как движение, связывающее не-социальные вещи» [1, с.151, 223]. С третьей стороны, социальное конструируется социологом (он пересобирает, по-новому соединяет и т.п.). Если первое, то социальность бытийствует независимо от социологов, если второе, то непонятно, в чем специфика социального, если третье, то наоборот, бытие социального зависит от социологии и социологов.

Но я сказал, что так можно понять Латура при первом чтении. Беря же эти утверждения в контексте его подхода и концепции, мы начинаем понимать их иначе и во многом соглашаться с автором книги. Попробую в связи с этим охарактеризовать его подход и главные идеи концепции.

В методологическом плане Латур выступает жестким критиком естественнонаучного подхода и причинно следственного объясне-

ния в социологии. «Рожденная в суровые времена, — пишет Латур, — социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [1, с.344]; отсюда, по его глубокому убеждению, понимание социальных связей как каузальных отношений, а также трактовка предельных социальных реальностей (прежде всего общества) как особой природы. Общество, считает Латур, в традиционной социологии мыслится законосообразно и выступает в роли онтологии, поэтому вместо того, чтобы исследовать реальные социальные феномены, социологии сводят их к наперед заданным отношениям общества. В то же время, возможно под влиянием феноменологии, Латур выступает за непредпосылочное мышление, в том числе за отказ предварять познание постулированием какой-то онтологии.

Говоря «А», приходится говорить и «Б»: если отвергается естественнонаучный подход, то приходится критиковать и социально-инженерный подход. Особенно Латура не устраивает инженерно социальное понимание акторов, которые превращаются социологами в простые объекты своего действия; с точки же зрения АСТ, социологи и акторы равноправны. «Возможная причина затянувшегося непризнания сущностного приоритета между акторами и социологами, погруженными в разногласия по поводу групп, — отмечает Латур, — в том, что социология очень рано была втянута в социальную инженерию. Тут с самого начала было смешение ролей. Решив, что их дело — определять из чего состоит социальный мир, социологи середины XIX века взяли на себя задачу политиков... Социальные теоретики принялись разыгрывать из себя законодателей, весьма поощряемые в этих попытках государством, вовлеченным в тяжелые задачи модернизации. К тому же такое поведение могло восприниматься как подтверждение научной креативности, поскольку ученые со времен Канта должны были «конструировать свой объект». Человеческие акторы были низведены до положения простых информаторов, всего лишь отвечающих на вопросы социолога, *сиречь судьбы*, и тем самым, как предполагалось, создавалась дисциплина столь же научная, как химия или физика» [1, с.61].

Я полностью согласен с этой позицией, но здесь есть проблема. Обратим внимание, признание «сущностного приоритета между акторами и социологами» позволяет предположить, что АСТ является не естественной, а гуманитарной наукой, в которой, как пишет М. Бахтин «два духа, взаимодействие духов». Правда, каким образом тогда объяснить требование прослеживания и описание реальных социальных отношений, ведь последние в трактовке Латура не субъекты или дух? Чтобы понять это, укажем на еще два исходных основоположений Латура: одно касается истолкования им социальной реальности, другое — функций социологии.

Латур подхватывает очень важное наблюдение З. Баумана и некоторых других социологов о том, что в современном мире социальные отношения и связи *опосредованы* техническими объектами, деятельностью, разными принципами, стандартами и др. Например, он разбирает следующие три кейса. Первый, вместо того, чтобы непосредственно охранять овец, пастух «охраняет» их с помощью забора и собак. Второй, вместо непосредственного управления движением машин в городе, регулировщик «управляет» ими с помощью светофоров и «лежащих полицейских». Третий, вместо непосредственного общения проектировщика и будущего пользователя, в качестве посредника используется продуманная архитектором среда. Во всех этих случаях, а также в большинстве других непосредственные взаимоотношения (непосредственные социальные связи) опосредуются культурными объектами, причем, как правило, число таких опосредований («посредников» по Латуру) может быть значительным. В отличие от «проводников», подчиняющихся причинно следственным отношениям, посредники им не подчиняются и несоизмеримы между собой.

Так вот, судя по книге, Латур и, возможно, другие представители АСТ решили, что главное в социальных отношениях именно связи опосредований. «Посредники, наконец, открыли нам свои настоящие имена: «Мы — существа внешнего мира, собирающие и объединяющие коллектив той же протяженности, что и то, что вы до сих пор называли социаль-

ным, ограничивая себя лишь стандартизированной версией сборок; если вы хотите следовать за самыми акторами, вы должны идти и за ними». Когда вы начинаете внимательно обращаться с посредниками, то осознаете, что очень немногие из них довольствуются онтологическим репертуаром, предоставляемым двумя старыми коллекторами (предельными онтологиями. — В.Р.) — природой и обществом» [1, с.331–332].

Стоит обратить внимание, что представление о посредниках несколько напоминает понятие «постав» в известной статье М. Хайдеггера «Вопрос о технике». Вводя трактовку техники как «постав» (когда всякая техника рассматривается как функциональный элемент поставляющего производства — вода Рейна как средство для работы электростанции, электростанция как средство выработки тока, электрический ток как средство для освещения городов или работы электромашин и т.д.) и показывая дальше, что человек и природа тоже превращаются в постав, Хайдеггер блокирует столь привычное для нас убеждение, по которому человек стоит над техникой и природой или что техника не влияет на природу, поскольку создана и действует в соответствии с ее законами. Хайдеггер подчеркивает невозможность мыслить и решить проблемы техники в рамках соответствующих практик и дискурсов, в которых техника сложилась (была конституирована) и функционирует. Для пояснения своей мысли Хайдеггер старается показать, что техника не является чем-то внешним по отношению к бытию, а совпадает с последним, поэтому наивно, не меняя само бытие, надеяться повлиять на технику в нужном для человека направлении. «Если существо техники, постав как риск, посланный бытием, — пишет Хайдеггер, — есть само бытие, то технику никогда не удастся взять под контроль просто волевым усилием, будь оно позитивное и негативное. Техника, чье существо есть само бытие, никогда не даст человеку преодолеть себя. Это означало бы, что человек стал господином жизни» [3, с.253]. Фактически, сказал бы Латур», понятие «постав» — это немецкий, феноменологический вариант понятия «посредник».

Но при таком понимании социального, когда оно фактически редуцируется к посредникам, действительно, очень трудно понять специфику социальной реальности. Да, безусловно, социальные связи предполагают цепи опосредований, т.е. *сеть*, но что это означает для самой социальности. Или иначе, какие опосредования работают на человека, а какие против него, как вообще опосредование влияет на социальные отношения? Не ответив на эти вопросы, на мой взгляд, трудно понять специфику и особенности социальности. Ответить же на них социологи АСТ принципиально не могут, поскольку задали такую онтологию, в которой социальное не просматривается.

В этом отношении исследование З. Баумана выгодно отличается от работы Латура. В книге «Актуальность холокоста» Бауман тоже много внимания уделяет опосредованиям, двигаясь от расовых фашистских проектов, переходя к созданию новых социальных технологий, заканчивая бюрократией. Все это были сложные цепи опосредований (предполагающие разделение труда, «производство отрицательного образа еврея и дистанции», замену морали технологическими функциями и др.), позволивших развернуть такие социальные связи, которые и составили социальную реальность холокоста [4; 5]. Но кроме анализа этих посредников Бауман показывает, что построенная на их основе социальная реальность в корне изменила отношения между людьми, позволив одним превратить других в объекты манипулирования и в прямом смысле материального преобразования (убийства). Пусть Бауман не вводит специальных понятий и схем для схватывания этих обусловленностей, но эмпирически, как они работают в частном случае, он показал. В концепции же АСТ такой вопрос даже не ставится. Не потому ли, что, увлекшись критикой традиционной социологической онтологии, ее последователи «выплеснули с водой самого ребенка»? Теперь рассмотрим второе основоположение концепции Латура.

Как Латур понимает участие социолога в социальной жизни? Во-первых, социолог описывает социальную реальность, одновременно распремечивая, деконструируя ее. Во-

вторых, он заново ее собирает, но не в реальности, а так сказать на схемах (в «текстах»), которые он предлагает практикам и обычным акторам (о значении схем см. [6]). В-третьих, вместе с обоими он участвует в трансформации существующей социальности. В отличие от традиционной социологии представитель АСТ, описывая социальные связи, не ставит своей задачей выявить социальные механизмы и закономерности. Более того, он отчасти не верит в их существование. С его точки зрения, современная социальность динамична и даже неопределенна. В этой ситуации миссия социолога — предложить новое видение социальности, которое завтра может существенно поменяться. Социолог, по Латуру, должен балансировать между условным знанием о существующей социальной реальности (условным, поскольку социальность динамична и неопределенна) и конструктивным знанием, которое должно помочь в конституировании новой желаемой социальности. При этом, с точки зрения Латура, полученные социологом АСТ знания о социальных связях, практически не изменяют сами реальные процессы становления социальности.

«Мы, — пишет он, — хотим быть более беспристрастными, чем это возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий (речь идет, как бы сказал Бахтин, о предоставлении голоса самим акторам. — В.Р. [1, с.32, 62, 82]). Но мы хотим и большего участия... благодаря которому можно помогать по частям собирать коллектив, предоставляя ему арену, форум, пространство, представление благодаря скромнейшему посредничеству рискованного отчета — обычно это хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте. <...> Хорошая социология должна быть хорошо написана; если нет, то через нее не откроется социальное. <...> Непрекращающаяся активность социальных наук, направленная на то, чтобы заставлять социальное существовать, «сбивать» коллектив в спянное целое, и составляет большую часть того, что называется «исследованием» социального... Для социальной науки нет смысла в желании избежать этой непрерывной работы. Но много смысла

в том, чтобы стараться делать эту работу *хорошо*» [1, с.175, 352, 354].

Здесь опять не до конца понятно: то ли социологическое исследование всего лишь создает условия для осознания социального («хрупкое вмешательство, состоящее только в тексте»), то ли оно участвует в его конституировании на равных правах с другими факторами («заставлять социальное существовать, «сбивать» коллектив в спаянное целое»).

Вернемся к нашему тезису, что в этой работе Латур выступает как методолог. Соответственно, как методолог он решает две основные задачи: *осуществляет критику традиционных социологических представлений и конституирует новую социальную реальность*, что предполагает в конечном счете построение в социологии *новой онтологии*. Критика Латура сводится к нескольким моментам. Во-первых, о чем я уже выше писал, он старается блокировать редукцию социального к предельным онтологиям традиционной социологии (природе и обществу); как следствие критикуется и традиционное социологическое истолкование изучаемых социальных феноменов, например, переход в исследовании от характеристики конкретных явлений к социальному контексту. Во-вторых, Латур, о чем тоже говорилось, отвергает естественнонаучный и социально инженерный подходы. В-третьих, повсеместно подчеркивается неудовлетворительность понимания социальных явлений, как неизменных и заданных; ему противопоставляется их истолкование как меняющихся и динамических феноменов. Последнее понятно, учитывая многочисленные современные трансформации в наше время социальных явлений. Наконец, в-четвертых, Латур разводит три важных социологических представления — *общество, политическое тело и политику*. Он показывает, что традиционная социология склеила эти представления, в то время как политика стоит в оппозиции к обществу и политическому телу, поскольку в отличие от них работает не на функционирование и воспроизводство сложившихся отношений, а на становление нового посредством свободной активности акторов.

Чтобы сделать для социологов ясным свою критику, Латур берет в качестве при-

мера четыре основные социологические понятия — «группа», «действие», «актор» и «объект», показывая, что в настоящее время их не удастся помыслить, что они неопределенны, или другой вариант — смыслы этих понятий противоположны традиционным социологическим истолкованиям (например, группа предполагает постоянное перевосхождение, действие располагается в разных горизонтах, актер множественен в своей идентичности, а объект может вести себя как актер).

«Отнесение себя к той или иной группе — это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей. <...> существуют множество противоречивых процессов группообразования, включения в группу, — это деятельность, в которую определяющий вклад, со всей очевидностью, вносят социологии <...> Если вы сейчас не проведете фестиваль, не напечатаете газету, то просто потеряете группу, ибо она не здание, нуждающееся в реставрации, а процесс, требующий продолжения» [1, с.43, 44, 56].

Действие «не совершается под полным контролем сознания. Действие должно рассматриваться, скорее как нарост, узел и конгломерат разных загадочных сил, который придется медленно распутывать» [1, с.65].

«Актор, если слова имеют смысл, это как раз то, что незамещаемо (в отличие от структуралистского понимания, где актер выполняет функцию и может быть полностью заменен любым другим. — В.Р.). Он уникальное событие, совершенно нередуцируемое ни к какому другому, за исключением случаев, когда вы посредством некоего процесса стандартизации делаете одного актора соизмеримым с другим, но даже это требует третьего актора, третьего события» [1, с.215].

«... ново здесь то, что объекты вдруг предстали на свет не только как полноценные акторы, но и как то, что объясняет тот контрастный ландшафт — ландшафт нависающих над всем социальных сил, чудовищных асимметрий, репрессивного проявления власти» [1, с.103].

Собственно через всю книгу Латура проходит предьявление и разъяснение новой социологической реальности, отчего,

правда, она не становится по-настоящему ясной. Если несколько упростить построения и размышления Латура, часто перетекающие в полемику и иронию по отношению к традиционной социологии, то в качестве сухого остатка можно указать на следующие характеристики, в целом составляющие новую онтологию. Социальная реальность, которая должна осмысляться в этой онтологии, задается понятиями «социальное», «коллектив», «сборка коллектива»; первые два указывают на реальный, исследуемый феномен, третье понятие — на деятельность и продукт творчества социолога. Сама онтология строится с помощью понятий «связи», «сеть», «ассоциации», «посредники», «трансформации» (в плане исследуемого феномена) и понятий «сети действий» и «перевод» (в плане работы социолога).

«Этап второй: социальное возвращается как ассоциации... все акторы, которых мы развернем, могут *вступать в ассоциации, заставляя других действовать так или так*. И происходит это не посредством переноса (transporting) некоей силы, остающейся *все той же* благодаря надежному проводнику (проводники подчиняются причинно следственным отношениям. — В.Р.), а посредством осуществления *трансформаций*, проявляющихся во множестве неожиданных событий, запускаемых в других, следующих далее в цепи, посредниках» [1, с.151].

«Для обозначения того, что не является ни актором наряду со многими другими, ни силой, скрытой за всеми акторами и переносимой некоторыми из них, а представляет собой связь, транспортирующую, так сказать, трансформации, мы пользуемся словом «перевод». Непростое понятие сеть определяется как то, что прослеживается посредством таких переводов в исследовательских описаниях» [1, с.153].

«Как мы узнали, такой разворот может принять форму сети при условии, что каждое перемещение будет оплачено трансформациями, то есть мы гарантируем, что весь путь от одного места до другого будет размечен не проводниками, а полноценными посредниками. Тем самым мы сделаем видимыми длинные цепи акторов, соеди-

няющие места друг с другом, не упустив ни одного звена» [1, с.243].

«*Сети действий*» (work-nets) давали бы возможность видеть труд, уходящий на прокладывание *технических* (работающих) сетей (net-work): первый термин обозначал бы активного проводника, второй — стабилизированный ряд проводников» [1, с.185].

Вторая группа понятий — «акторы», «группа», «действия» и другие определяются уже в рамках заданной онтологии; при этом они существенно переосмысляются, о чем я говорил выше.

Очень важный вопрос: как поверить в предложенную онтологию? Многочисленные выпады Латура на протяжении всей книги явно направлены против тех социологов, которые, очевидно, не понимают и не принимают АСТ. И мне трудно принять онтологию АСТ, хотя, кажется, я понимаю, как и почему она возникла. Латур в одном месте пишет, что АСТ — это ответ на проблему, *как возможна эмпирическая социология* («в конечном счете, — бросает он в полемику такую реплику, — я наивный реалист, позитивист» [1, с.219]). Это с одной стороны. С другой — как уже отмечалось, сторонники АСТ выступают против редукции социальных феноменов к основоположениям традиционной социологии (обществу и природе), а также несогласны с естественнонаучным и социально инженерным подходами. С третьей стороны, наблюдения за социологической реальностью (хотя, как ее можно наблюдать?) вывели их на представления о сетях и посредниках.

Так вот, запрет на редукцию и естественнонаучное объяснение плюс убеждение, что социальная реальность может быть эмпирически наблюдаема и описана, заставляет Латура и других представителей АСТ строить социологию как эмпирическую науку, вводя понятия, которые должны описывать эмпирически наблюдаемые социальные явления. Ими, с их точки зрения, и являются сети и посредники. Такой подход объясняет и довольно необычное предложение мыслить сети не «объемно», а «плоскостно». «Объемное мышление» Латур связывает с редукцией и причинно следственными объяснениями, а, следовательно, оно, по его мнению, пред-

полагает разрывы эмпирической реальности (поскольку понятия предельной онтологии переключают с локальных, эмпирических явлений на общие реалии). В то же время плоскостное мышление, считает Латур, позволяет двигаться эмпирически, не покидая социальной реальности. «А что, — восклицает Латур, — если запретить любой разрыв, допустив только сгиб, растягивание и сжатие? Не сможем ли мы тогда непрерывно перейти от локального взаимодействия к множеству делегирующих акторов? Отправная точка и все точки, признанные в качестве ее источника, тогда окажутся рядом с друг другом, а связи и складки станут видимыми» [1, с.244].

Характеризуя посредники и сети, Латур колеблется в определении их категориального статуса: с точки зрения установок на эмпирическую социологию и наблюдение социальных явлений (подобно тому, как антропологи наблюдают поведение аборигенов, хотя, стоит заметить, невозможно наблюдать, не концептуализируя), посредники и сети надо считать реально существующими объектами, но, с точки зрения, деятельности социолога, осуществляющего сборку и задающего новое видение, и то и другое — всего лишь действия и операции самого социолога. Определяя, что такое сети, Латур, вероятно, сам того не замечая, соскальзывает от первой трактовки ко второй: «Под словом «сеть» я понимаю связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник (здесь скорее первое понимание. — В.Р.) ... Итак, сеть — это термин, для проверки того, сколько энергии, движения и конкретности способны уловить наши отчеты (понятно, что отчеты пишут социологи. — В.Р.). Сеть — понятие, а не вещь. Это инструмент помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания (трудно дать более точную характеристику второго понимания. — В.Р.) ... сеть — не то, что описывается в тексте, а то, что делает текст готовым принять смену акторов как посредников» [1, с.181, 184].

Однако похоже, что сам Латур не видит здесь противоречий (это показывает его дискурс), вероятно, для него, как и для других сторонников АСТ, понимание сети и посред-

ников и как реальных объектов и как операций социологов — не антиномия, а принципиально новый, много обещающий ход мысли.

Можно заметить, что построенная Латуром онтология хорошо описывает посредники и сети, но только косвенно затрагивает стоящую за ними социальную реальность, если только не считать, что именно сети и образуют таковую (вероятно, Латур именно так и думает). Кроме того, эта онтология не помогает ответить на вопрос, как жить вместе и выйти на общее видение мира («если нет методов, способных сделать мир общим, — замечает Латур, — собрать коллектив не удастся» [1, с.340]).

Признание за акторами активности и предоставление им голоса, а также анализ того, каким образом акторы масштабируют события, т.е. схватывают и выделяют целое, которое они рассматривают или в котором пребывают, тем не менее, не выводит нас на социальную реальность. Вводя представления о стандартизации, Латур, конечно, отчасти объясняет, как формируется общее видение. «Стандарты и метрология, — пишет он, — решают на практике проблему относительности, которая, похоже, пугает столь многих: можем ли мы достигнуть всеобщего согласия? Конечно, можем. При условии, что вы найдете способ присоединить свой локальный инструмент к одной из многочисленных метрологических цепей, материальные сети которых могут быть полностью описаны и цена которых может быть полностью определена» [1, с.315]. Предположим, мы это сумели сделать и присоединили, но ведь достигнутое при этом общее видение и согласие оказываются теми же самыми, которые сложились в нашей цивилизации, которые все критикуют, которые больше похожи на принципиальные разногласия. Очевидно, чувствуя это, Латур, заканчивая свою книгу, пишет следующее.

«Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей, новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна

их композиция, чтобы *выстроить* общий мир. Будь то к лучшему или к худшему, но социология, в противоположность своей сестре антропологии, никогда не сможет удовлетвориться множественностью метафизик; она нуждается и в постановке онтологической проблемы единства этого общего мира» [1, с.355].

Добавлю к этому еще один момент. По сути, концепция АСТ вводит запрет в социологии на теоретические реконструкции и построение предельной онтологии. С моей же точки зрения, вряд ли представители АСТ смогут реформировать социологию, не осуществляя теоретических реконструкций, что, в свою очередь, предполагает не только использование понятий других дисциплин, но и обобщения и построение предельной онтологии. Впрочем, отчасти, Латур это признает. «Поиск порядка, строгости и структуры, — пишет он, — ни в коем случае не отменяется <...> Для того чтобы понять, что именно я считаю конечной целью АСТ, мы должны выпустить из клеток сущности, которым до сих пор было строго запрещено выходить на сцену, и позволить им снова бродить по миру» [1, с.38, 330].

В число этих сущностей, говорит Латур, входят, с одной стороны, переосмысленная природа и политика, с другой — неизвестная нам реальность. «Мир, — справедливо замечает Латур, — это не твердый континент фактов, куда вкраплено несколько озер неопределенности, а широкий океан неопределенностей, где пестреют несколько островов градуированных и стабилизированных форм. Действительно ли мы знаем так мало? Мы знаем еще меньше» [1, с.337].

Я не хотел бы, чтобы у читателя сложилось негативное впечатление о книге Латура и АСТ. Ну да, чтение и уяснение рассмотренных идей и представлений ставит много проблем, и я попытался некоторые из них сформулировать и обсудить. Однако проблемы, как известно не показатель слабости мышления, а наоборот его силы, особенно в плане дальнейшего развития. Важно, не пропустить ценные идеи и схемы, намеченные Латуром. Например, схему отношения посредников с социальностью. Вернемся еще раз к примеру Латура о таком посреднике как лежащий по-

лицейский. Препятствие на дороге тогда является социально значимым, когда оно воспринимается водителем не просто как простая преграда, а как *знак, сообщение, указывающие, что впереди дети, школьники, пожилые люди, больные и поэтому нужно сбросить скорость*. Аналогично, сеть интернета тогда выступает как социальное явление, как неотъемлемое свойство социальности, когда циркулирующие в нем тексты, работают на человека и общество (информируют о важных событиях, позволяют образовывать полезные ассоциации, общаться, развиваться и т.д.).

Например, в последнее время на мой электронный адрес приходят много просьб, подписать то или иное прошение (чтобы не закрывали единственное или важное лечебное заведение, школу, учреждение, или с целью защитить домашних и других животных, или вступить в какую-нибудь ассоциацию или партию). Я обдумываю эти просьбы и часто подписываю, но иногда нет. Явно эта деятельность политическая: ее инициаторы и я рассчитываем повлиять на власти и пусть хоть немного, но улучшить нашу совместную жизнь. В данном случае интернет выполняет две основные функции: с одной стороны, он связывает инициаторов со мною и всех подписавших вместе в локальную временную ассоциацию, с другой стороны, позволяет создавать и доставлять тексты (послания), ориентированные на помощь людям и обществу.

Другими словами, и сеть и посредники как формы и условия социальности — это не просто технические или функциональные элементы, а средства и сообщения, предназначенные для людей и общества, как правило сообщения, ориентированные на общественное благо. В этом отношении спам, жесткое порно, мыльные сериалы, хакерские действия сами по себе не являются социально значимыми, они за рядом исключений не способствуют общественному благу; но осознанные и классифицированные философами, учеными и другими специалистами, они уже могут быть включены в сознательную деятельность человека и общества, т.е. работать на социальность.

Вернемся в связи с этим еще раз к проблеме такого социального анализа сетей, который

позволяет, так сказать, достигать социального (речь пойдет об опыте автора статьи). Сначала, как можно понять, что такое сеть не вообще, а для осмысления, например, социальной проблематики интернета. Сеть, помимо субстратной технической основы (узлы, линии или каналы связи), представляет собой *систему самостоятельных субъектов* (индивидуальных или групповых) *заинтересованных в связях друг с другом и осуществляющих транзакции*, которые могут быть очень различными (предъявление информации, встречи и общения, создание друг для друга виртуальных или реальных ситуаций и прочее). Примерами могут выступать сайты в социальных сетях, где «друзья» обмениваются текстами, работают над укреплением и расширением содружества, реализуют себя в общении. Актуализируя себя в сети, индивид попадает в ситуацию (будем ее называть «индуцированной сетью»), в которой он вынужден вести себя в соответствии с требованиями сети и в этом смысле часто необходимо.

Состояния человека, индуцированные сетью, — это состояния, если пользоваться понятиями А. С. Выготского и Латура, действительно, «опосредованные». Опосредованы они двояко: *семиотически*, т.е. текстами (последние могут быть и визуальными) и *правилами* (условностями) жизни в сети. Состояния, индуцированные сетью, трансформируют психику человека, погружая его в «сетевое бытие». Примером такого бытия является жизнь человека в Фейсбуке, имеющего 200–300 друзей и постоянно общающегося с ними. Другой пример, мой знакомый, который имеет три мобильного, практически отвечает на звонки (или звонит сам) каждые пять-десять минут, не мыслит свою жизнь вне мобильной связи (даже ночью он всегда отвечает на звонки). Как правило, сетевое бытие требует быстрой реакции, не позволяет глубоко продумать вопрос, выливается в построение образа, *которые ожидают другие участники транзакций* (именно этот образ и посылается в сеть). В психологическом плане жизнь в сети обычно имеет два варианта развития. Первый, индивид расщепляется на два субъекта: обычного и, так сказать, сетевого (назовем последнего «сетевым дублем»),

и пытается как-то примирить их существование, что ему часто не удается. Второй вариант развития: индивид принимает сетевое бытие как основное, вживается в него, перестраивается, т.е. фактически он становится сетевым дублем. Заметим только, что данная картина — не эмпирическая, а идеально-типическая (по М. Веберу); реальный человек может в нее не укладываться. Так вот Интернет и мобильная связь порождают в массовом порядке как индивидов с диссоциированной (расщепленной) психикой, так и сетевых дублей. Соответственно, сообщества и группы в Интернете, составленные из подобных индивидов, могут быть отнесены к новым формам социальности и изучаться в качестве таковых.

Заканчивает свою интересную книгу Латур вопрошанием — «разве так уж абсурдно желать перевооружения наших дисциплин»? Собственно говоря, тут нечего спрашивать, требование реформы социальных наук постепенно становится общим местом. Что предлагает Латур, мы видели. У меня другие представления, которые, имея в виду обсуждение книги Латура и завершение статьи, здесь невозможно уже излагать. И все же я бы сформулировал несколько тезисов, как заявку на обсуждение другого варианта развития социальных наук.

Тезис первый. Да, и, на мой взгляд, социальные науки должны быть эмпирическими. Но это не означает простого наблюдения и описания социальных явлений. Если речь идет о науках, то постижение реальности в них совершается путем построения идеальных объектов (в дальнейшем и онтологии). Включая в том числе ответы на вызовы времени, реализацию новых стратегий мышления, построение понятий. Другое дело, что одновременно эти идеальные объекты должны уже как научный язык *описывать и объяснять эмпирический материал и факты* (последние, как известно, конструируются с опорой на теоретические соображения) и кроме того, *образовывать очередной этап развития социальной науки.*

Тезис второй. Не социология науки, а философия науки выступает в роли методологической навигации для социальных наук. Именно в философии науки должны обсу-

ждать и получать решение вопросы типа: в чем специфика социальных наук, чем эти науки отличаются от естественных и гуманитарных, как охарактеризовать дискурсы и способы мышления в этих науках, какой вклад в социальную реальность вносят социальные представления и знания и другие. В рамках методологии науки как раздела философии науки может получить разрешение и проблема, волнующая Латура, а именно, в чем роль самих ученых социальных наук. На мой взгляд, последние не просто описывают и проявляют уже существующую социальность, а конституируют ее; естественно не произвольно, а отвечая на вызовы времени, реализуя определенные методологические программы, следуя научной традиции и преодолевая ее, реагируя на критику, изобретая новые схемы, способы мышления, идеальные объекты. В этом плане нужно, например, различать социологию как эмпирическую науку и социологию как проективную научную дисциплину.

Тезис третий. Современные социальные исследования, как правило, являются междисциплинарными: в них используются представления и методы других дисциплин: культурологии, антропологии, семиотики и схемологии, социальной психологии, теории коммуникации и т.д.; кроме того, многие предметные поля в этом случае становятся общими или пересекающимися. Возьмем для примера культурологию. Если Латур понимает «определение общего мира» как конституирование социального, то культурологи — как конституирование культуры. Правда, у Латура общий мир складывается не сам собой, а усилиями акторов, в число которых входят и социологи; но ведь и культура не состоялась бы без творчества людей, вспомним хотя бы исходные смыслы понятия культура как «культивирование и культ». Кроме того, современное понимание культуры все больше сдвигается к деятельности по конституированию, причем даже не культуры, а культурологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бруно Латур Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М., 2014.
2. Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М. 1971.

Существенно, что в междисциплинарных социальных исследованиях при ведущей позиции социальных наук (например, социологии) имеет место не только синтез и конфигурирование представлений из разных дисциплин, но и распредечивание (деконструкция) социальных понятий и реальности. Можно сказать и по-другому: старые оппозиции и типология наук перестают работать, складываются новые; кардинально меняется понимание социального, оно включает в себя как органические моменты представления из многих других научных дисциплин. Например, социолог теперь не может помыслить общество, не обращаясь к культурологии и теории коммуникации.

Тезис четвертый. Социальные науки не смогут реформировать себя, если не ответят на новые вызовы времени. К их числу относятся проблемы и процессы глобализации, раскрывающие границы национальных государств и способствующие формированию нового, в определенном срезе единого цивилизационного образа жизни; кризис традиционных европейских либерально-демократических институтов (права, представительства, разделения властей и др.); новая роль социальных и других технологий, позволяющая обходить и нивелировать сложившиеся социальные нормы и институты, что ведет к резкому возрастанию социальных конфликтов, сюда же относится изобретательность государства, поставившего под свой контроль общество и личность; формирование новых типов социальности (метакультур, сетевых сообществ, новых способов перераспределения национальных благ, появление миллионов неработающих или работающих частично, перехватывание функций у государства — волонтерское движение, новые формы меценатства и много других).

Понятно, что эти тезисы — всего лишь приглашение к разговору и обозначение тем следующей статьи.

3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
4. Зигмунт Бауман Актуальность холокоста. М., 2010.
5. Розин В. М. Методологический анализ книги З. Баумана «Актуальность холокоста» // Политика и общество. 2014. N 12.
6. Розин В. М. Введение в схемологию. Схемы в культуре, философии, науке, проектировании. М., 2011.
7. Е. А. Попов Междисциплинарный опыт гуманитарного знания и современной социологической науки // Политика и Общество.— 2013.— 4.— С. 441–447. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.04.8.
8. В. М. Розин анализ схем в философии и других гуманитарных науках (на материале книги Э. сведенборга) // Психология и Психотехника.— 2010.— 1.— С. 9–16.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bruno Latur Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. Per. s ang. I. Polonskoi. М., 2014.
2. Bekon F. Sochineniya v 2-kh t. Т. 1. М. 1971.
3. Khaidegger M. Vopros o tekhnike // Martin Khaidegger Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. М., 1993.
4. Zigmunt Bauman Aktual'nost' kholokosta. М., 2010.
5. Rozin V. M. Metodologicheskii analiz knigi Z. Baumana 'Aktual'nost' kholokosta' // Politika i obshchestvo. 2014. N 12.
6. Rozin V. M. Vvedenie v skhemologiyu. Skhemy v kul'ture, filosofii, nauke, proektirovanii. М., 2011.
7. E. A. Popov Mezhdistsiplinarnyi opyt gumanitarnogo znaniya i sovremennoi sotsiologicheskoi nauki // Politika i Obshchestvo.— 2013.— 4.— С. 441–447. DOI: 10.7256/1812–8696.2013.04.8.
8. V. M. Rozin analiz skhem v filosofii i drugikh gumanitarnykh naukakh (na materiale knigi E. svedenborga) // Psikhologiya i Psikhotekhnika.— 2010.— 1.— С. 9–16.